

П. РАТЛЕНД, В. СМОЛКИН-РОТРОК

Введение. Оглядываясь на Брежнева¹

На Западе Советский Союз чаще всего рассматривают через призму холодной войны, когда триумфальный капитализм одержал победу над неудавшимся социализмом. Вместо того, чтобы серьезно отнестись к вызову, брошенному коммунизмом современному капитализму, советский проект представлялся как исторический тупик, обреченный эксперимент, рухнувший под тяжестью собственных противоречий. История гласит, что в Советском Союзе правила отупевшая бюрократия, при которой граждане пользовались ограниченной личной свободой, а инакомыслящие безжалостно преследовались. Попытка построить плановую экономику на принципах, противоположных рыночным, привела к колоссальной неэффективности и стагнации роста. Соперничество Москвы с США за глобальную гегемонию поставило мир на грань ядерной войны и разожгло ожесточенные конфликты от Афганистана до Анголы. Выживание системы зависело от строгого контроля за связью с внешним миром.

У русских, конечно, более сложное отношение к собственному прошлому. Несмотря на то, что историческое наследие Ленина и Сталина, Хрущева и Горбачева остается спорным, период правления в СССР Леонида Брежнева, который был Генеральным секретарем с 1964 по 1982 г., часто изображают как золотой век*.

Действительно, несмотря на то, что популярность других российских и советских лидеров со временем меняется, опросы

* См.: Otto Boele, "Remembering Brezhnev in the New Millennium: Post-Soviet Nostalgia and Local Identity in the City of Novorossiisk", *The Soviet and Post-Soviet Review* 38 (2011): 3–29, а также тематический выпуск «Долгие 1970-е» в российском журнале Неприкосновенный запас» 52 (2007). О посткоммунистической ностальгии см.: Maria Todorova and Szusza Gille, eds. *Post-Communist Nostalgia* (New York: Berghann Books, 2012).

постоянно показывают, что Брежнев является самым популярным лидером XX века*. Брежневский период изображается как время, когда граждане могли вести безопасную и предсказуемую жизнь, где с каждым годом повышался уровень жизни, а их дети могли получить хорошее образование и рассчитывать на стабильную карьеру. Конечно, это не единственные воспоминания об эпохе. Нехватка продовольствия и товаров народного потребления произвела неизгладимое впечатление на многих, кто пережил этот период. Мертвящая идеология смягчалась цинизмом и юмором.

Опросы общественного мнения, относящиеся к эпохе Брежнева, следует интерпретировать с осторожностью. Они могут быть скорее отражением отвращения к потрясениям, которые россияне испытали при Михаиле Горбачеве (1985–1991) и Борисе Ельцине (1992–1999), чем беспристрастной оценкой как недостатков, так и преимуществ советской жизни до перестройки. Кроме того, респонденты до 40 лет слишком молоды, чтобы иметь непосредственное личное переживание брежневской эпохи, а у россиян старшего возраста впечатления о том времени естественным образом связаны с личными воспоминаниями о собственной молодости.

Тем не менее, ностальгией нельзя полностью объяснить возрастающий интерес к брежневской эпохе как в массовой культуре, так и в академической науке.

Михаил Горбачев очень ловко наклеил на брежневские годы ярлык застоя. Во-первых, это делало его собственное правление более инновационным и динамичным. Но если выйти за рамки политической экономии, картина позднесоветской жизни становится более тонкой и сложной. Это было общество, претерпевавшее быстрые изменения, связанные как с энтропией и упадком, так и с перспективой и инновациями. Общество становилось более городским и образованным**. Повышение уровня жизни меняло повседневную жизнь и модели потребления. Постепенно советские граждане становились более открытыми для внешнего

* Например, в 2013 г. Левада-центр опубликовал статистику, согласно которой Брежнев имел положительный рейтинг 56%, опережая Ленина с 55%, Сталина с 50%, Николая II с 48%, Хрущева с 45% и Горбачева с Ельциным по 22% каждый. Пресс-релиз Левада-Центра, 22 мая 2013 г. URL: <http://www.levada.ru/22-05-2013/otnoshenie-rossiyan-k-glavam-rossiiskogo-gosudarstva-raznogo-vremeni>.

** В Российской Федерации городские жители составляли 52% от общей численности населения в 1959 г., увеличившись до 73% в 1989 г. Charles Becker et al, Russian Urbanization in the Soviet and Post-Soviet Eras, United Nations Population Fund, November 2012, table 2.

мира благодаря туризму и притоку западной культуры*. Штампы, которыми тогдашняя политическая элита описывала брежневскую эпоху («развитой социализм» и «нормализация»), и терминология западных ученых («поздний» или «зрелый» социализм) указывают на коммунизм, отличный от ленинской и сталинской моделей классовой борьбы и героической мобилизации — коммунизм, в котором идеология стала рутинной, а жизнь стала «нормальной»**. Коммунизм, который во многом достиг совершеннолетия.

Глядя на брежневские годы через призму культуры, открывается еще одна перспектива. Писатель Дмитрий Быков недавно охарактеризовал 1970-е годы как «наш серебряный век, когда культура и наука развивались быстрыми темпами», породив таких выдающихся деятелей художественного и морального авторитета, как Владимир Высоцкий, Андрей Тарковский и Андрей Сахаров***. К этому списку мы могли бы добавить писателей Владимира Сорокина, Сашу Соколова, Венедикта Ерофеева и Сергея Довлатова, а также представителей таких художественных течений, как московский концептуализм и соцарт****. В каких условиях возникло это культурное изобилие? Литературовед Марк Липовецкий рассматривает брежневский период как время эстетической перестройки, сравнивая его с другими периодами русской истории — 1840-ми, 1880-ми годами, концом века, — когда политическая инерция сосуществовала с художественным экспериментированием и, возможно, способствовала ему. В эти моменты, пишет Липовецкий, «поток времени как-то ослабевает,

* См.: Stephen Harris, *Communism on Tomorrow Street: Mass Housing and Everyday Life after Stalin* (Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press/Johns Hopkins University Press, 2013); Ann E. Gorsuch, *All This is Your World: Soviet Tourism at Home and Abroad after Stalin* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2011); Patrick Hyder Patterson, *Bought and Sold: Living and Losing the Good Life in Socialist Yugoslavia* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2011); James R. Millar, "The Little Deal: Brezhnev's contribution to acquisitive socialism", *Slavic Review* 4 (Winter 1985), 694–706; and Paulina Bren and Mary Neuberger, eds., *Communism Unwrapped: Consumption in Cold War Eastern Europe* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2012).

** Edwin Bacon and Mark Sandle, eds., *Brezhnev Reconsidered* (Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2002); Juliane Fürst, *Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2010).

*** Дмитрий Быков, «Русский тормоз», Новая газета, 21 января 2014 г.

**** Matthew Jesse Jackson, *The Experimental Group: Ilya Kabakov, Moscow Conceptualism, Soviet Avant-Gardes* (Chicago, IL: University of Chicago Press, 2012).

[и] различные эпохи и стили “наслаиваются” друг на друга, создавая непредсказуемое сочетание дискурсов и стилей»*. В этом смысле поздний социализм переживается как период, когда само время движется иначе, период *«безвременья»* — время без времени.

Стабильность брежневской эпохи была обусловлена способностью Коммунистической партии уравнивать эти противоположные силы — до тех пор, пока они могли этого делать.

В 1990-е годы социологи пытались понять чреватый последствиями, драматичный и, в конечном счете, неудачный переход России к либерально-демократической рыночной экономике, и когда их внимание снова обратилось к брежневской эпохе, они попытались найти «наследие», которое сдерживало более поздние усилия по реформированию**. Однако в последнее время научные работы о брежневском периоде появляются все чаще и чаще***. Действительно, как отмечает Юлианна Фюрст, «за последние два года первые вестники того, что обещает стать лавиной советских исследований и мемуаров 1970-х гг., появились в печати, провоцируя новый взгляд на период, полный противоречий, и рисуя картину позднесоциалистической советской жизни с ее колебаниями между между отупляющей скукой, безумной активностью и искренней радостью»****.

<...>

* Mark Lipovetsky, “Self-Portrait on a Timeless Background: Transformations of the Autobiographical Mode in Russian Postmodernism”, *a/b: Auto/Biography Studies*, 11: 2 (Fall 1996): 141–142.

** См., например: Grigore Pop-Eleches, “Historical legacies and post-communist regime change” *Journal of Politics*, 69: 4 (2007), 908–926; Silvana Malle, “Soviet legacies in post-Soviet Russia”, *Post-Communist Economies*, 21: 3 (September 2009), 249–82; Alena Ledeneva, *How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006); Jordan Gans-Morse, “Searching for transitologists: Contemporary theories of post-communist transitions and the myth of a dominant paradigm”, *Post-Soviet Affairs* 20: 4 (October 2004), 320–349.

*** Donald Raleigh, *Soviet Baby Boomers: An Oral History of Russia’s Cold War Generation* (Oxford, UK: Oxford University Press, 2011); Neringa Klumbytė and Gulnaz Sharafutdinova, eds., *Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–85* (Lanham, MD: Lexington Books, 2012); Vladislav Zubok, *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev* (Durham, NC: University of North Carolina Press, 2007); William Tompson, *The Soviet Union under Brezhnev* (Harlow, UK: Pearson, 2003). На русском см., например: Б. В. Соколов, Леонид Брежнев: Золотая эпоха. М.: АТС Пресс, 2004.

**** Julianne Furst, “Where Did All the Normal People Go?: Another Look at the Soviet 1970s”, *Kritika*, 14, no. 2 (summer 2013), 621–40².

Какие новые вопросы мы можем задать теперь, когда брежневская эпоха стала историей?

Теперь мы знаем больше о целом ряде ключевых советских институтов и практик, от коммуналки и дачи до колхозной жизни, телевидения и блата*. Тем не менее, в наших знаниях есть существенные пробелы, и остается много вопросов. Так, еще не опубликовано конкретных исследований по военно-промышленному комплексу (ВПК), хотя в программном докладе Стивена Коткина³ на конференции были указаны направления будущих исследований**. Как отметил Владимир Конторович, несмотря на все внимание к советской военной угрозе в годы «холодной войны», на Западе не было опубликовано ни одного исследования о советской военной экономике ни академическими учеными, ни ЦРУ***. В учебниках по сравнительной экономике не было главы или даже раздела, посвященного ВПК. За два десятилетия после распада Советского Союза этот пробел так и не был устранен.

Хрущевский период был периодом нестабильности и экспериментов, когда казалось, что системные изменения вполне возможны. Брежневский период, напротив, характеризовался неприятием экспериментов — примером этого является решение вторгнуться в Чехословакию в 1968 году, чтобы подавить «Пражскую весну». На внутреннем фронте были отвергнуты

* Stephen Lovell, *Summerfolk. A History of the Dacha 1710–2000* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2010); Caroline Humphrey, *Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1983) and *Marx Went Away — but Karl Stayed Behind* (Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1999); Doug Rogers, *The Old Faith and the Russian Land: A Historical Ethnography of Ethics in the Urals* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009); Alena V. Ledeneva, *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998); Kristin Roth-Ey, *Moscow Prime Time: How the Soviet Union Built the Media Empire that Lost the Cultural Cold War* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2011); Christine Evans, “Song of the Year and Soviet Mass Culture in the 1970s”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 12: 3 (2011): 617–645. Антрополог Илья Утехин много писал о коммуналке, был одним из создателей онлайн-мультимедийного этнографического музея советской повседневности в коммуналках. Совместно с С. Паперно, Н. Рисом, А. Нахимовским: URL: <http://kommunalka.colgate.edu/>

** Stephen Kotkin, “Surprise, Surprise: The Misunderstood Soviet Military Industrial Complex”. Keynote address at the conference: “What Was the Soviet Union? Looking back at the Brezhnev years”, Wesleyan University, 20–21 October 2011.

*** Vladimir Kontorovich, “A Cold War creature that sat out the Cold War”, *Europe-Asia Studies* 66: 5 (2014), 811–829.

предложения по экономическим реформам, такие как введение независимых «связей» в сельском хозяйстве в конце 1960-х годов — потенциального предшественника «системы ответственности домохозяйств», впоследствии введенной в Китае, что дало большой эффект*. Нет сомнений, что увеличение доходов от экспорта нефти и газа после роста мировых цен на нефть в 1970-х годах принесло брежневской модели еще одно или два десятилетия эксплуатации**. Однако, как утверждает Виталий Найшуль⁴, централизованное планирование перестало быть эффективным уже к 1980-м гг., когда его заменила сеть горизонтальных и вертикальных переговоров***. Это означало, что экономическая система все меньше и меньше реагировала на смену приоритетов из центра, но и не стояла на месте.

Был ли многоэтничный характер Советского Союза, встроенный в федеративную структуру, его ахиллесовой пятой? По памятным словам бывшего офицера КГБ, которые цитирует Стивен Коткин, «Советский Союз напоминал плитку шоколада: он был изборозжен линиями будущего разделения»****. В брежневские годы этнофедерализм требовал постоянного внимания, особенно при рассмотрении сложных дел таких народов, как немцы и крымские татары, которые были репрессированы при Сталине и лишь частично реабилитированы после его смерти. Ханья Сиро утверждает, что власти были «готовы к реформам, чтобы соответствовать новым ситуациям, но они были неспособны проводить реформы, контролируя массовые движения»*****.

Дискуссия о возможных альтернативах развития в брежневские годы едва только началась. Остается открытым вопрос, могла ли смена курса в 1960-х или 1970-х годах предотвратить распад советской системы, произошедший в конце 1980-х? Несмотря на некоторые недавние новаторские исследования по позднему социализму в Восточной Европе и, в частности, в Чехословакии, предстоит

* Alexander Yanov, *The Drama of the 1960s: A Lost Reform* (Berkeley, CA: University of California, Berkeley, 1984).

** Egor Gaidar, *Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia* (Washington, DC: Brookings Institution Press, 2007).

*** Виталий Найшуль, «Либерализм и экономические реформы» // *Мировая экономика и международные отношения*, 30 (август 1992 г.), 35–54.

**** Николай Леонов цитируется в книге Стивена Коткина «Предотвращенный Армагеддон». *Советский коллапс 1970–2000* (Нью-Йорк: Oxford University Press, 2008), 86.

***** Hanya Shiro. “Nationalities policy in the Brezhnev era”, in Uyama Tomohiko, ed., *Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia* (Sapporo: Slavic Eurasian Studies, no. 14, 2007), ch. 8, 221–46, 245.

еще много сравнительной работы*. Советские 1970-е еще нужно поместить в глобальные «долгие 1970-е», чтобы увидеть, как характерные черты той эпохи (социальные и антиколониальные движения, диссидентство и права человека, застой и стагфляция⁶) разыгрывались по обе стороны железного занавеса⁶.

В следующих статьях политологов и историков исследуются сложности, противоречия и нюансы брежневской эпохи.

Николай Митрохин реконструирует мир аппарата ЦК Коммунистической партии СССР на основе архивных исследований и интервью с более чем 100 бывшими чиновниками. Он считает, что эти аппаратчики были хорошо образованными профессионалами, далекими от тех «идеологических динозавров», какими их можно было представить. Жестко дисциплинированная группа, они имели четкое мировоззрение и даже свой язык (избавленный от ненормативной лексики и просторечия), но были не более консервативны, чем члены других советских бюрократических институтов.

Мартин Димитров утверждает, что советское государство никоим образом не отставало от развития советского общества. Наоборот, [правительство] прилагало, и небезуспешно, значительные усилия для отслеживания социальных и политических тенденций. Димитров обоснованно проводит различие между разными типами информации, которую собирали власти, — свидетельствами политического несогласия, общим настроением населения и конкретными недовольствами (которые можно решить, направив информацию в соответствующие органы). Партийные лидеры уделяли больше внимания письмам граждан, чем опросам общественного мнения, которые они рассматривали как ненадежные.

Иоахим Цвейнерт анализирует реакцию брежневского руководства на вызов экономических реформ, исходящих от социалистического блока в Восточной Европе, позволяя в определенных пределах экспериментировать и оспаривая их. Он видит концепцию «развитого социализма» как воплощение застоя: легитимация существующего порядка, «который был очень близок к отказу от самой идеи развития». Советским экономистам не позволяли обсуждать «объективные» экономические законы, и это делало

* Paulina Bren, *The Greengrocer and His TV: The Culture of Communism after the 1968 Prague Spring* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2010) and Cristofer Scarboro, *The Late Socialist Good Life in Bulgaria: Meaning and Living in a Permanent Present Tense* (Lanham, MD: Lexington Books, 2011), and Jonathan Bolton, *Worlds of Dissent: Charter 77, The Plastic People of the Universe, and Czech Culture under Communism* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012).

их плохо подготовленными к осуществлению системной реформы, когда она стала необходимостью в 1980-х годах.

Наконец, поскольку большинство политологических исследований брежневской эпохи сосредоточено на принятии решений в Москве, особенно приветствуется исследование Эрика МакГлинчи о политике в Кыргызстане. МакГлинчи утверждает, что Брежнев хорошо понимал среднеазиатское общество и что его переход к политике «доверия к кадрам» помог стабилизировать политическую ситуацию в регионе, но лишь на короткое время. Растущая экономика вызвала миграцию в города и сильную конкуренцию за землю и жилье в Ошской области между доминирующей в экономическом отношении узбекской общиной и лидерами киргизов, обладающими политическими полномочиями в качестве «титульной» нации. Кульминацией этой напряженности стали этнические беспорядки в 1990 году, которые предвещали еще более кровавые столкновения, произошедшие летом 2010 года, в результате которых погибли сотни человек. В ответ Горбачев обвинил кыргызское руководство в том, что, по иронии судьбы, оно помогло зажечь новое кыргызское националистическое движение, неподконтрольное партии. Новые кыргызские националисты использовали брежневскую риторику модернизации, чтобы оправдать свои действия против узбеков. Статья МакГлинчи иллюстрирует важность изучения исторических истоков при попытке проанализировать современные события.

Оглядываясь назад на брежневскую эпоху, мы можем задать ся вопросом не только о том, что разрушило Советский Союз, но и о том, что его скрепляло.

